

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 2 (75). С. 21–25.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2023. Vol. 2 (75). P. 21–25.

Научная статья
УДК 94(470)“16/18”
doi: 10.54398/1818510X_2023_2_21

ГОРОД В СИСТЕМЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ КОЧЕВЫХ СООБЩЕСТВ
СТЕПНОЙ ПОЛОСЫ ЕВРАЗИИ В XVI–XIX в.

Буканова Роза Гафаровна^{1✉}, Кидирниязов Даниял Сайдахмедович²

¹Уфимский юридический институт МВД России, г. Уфа, Россия

²Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, г. Махачкала, Россия

¹Brg777.50@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-3147-3666>

²Daniyal2006@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9511-9092>

Аннотация. Актуальность предлагаемой темы определяется тем, что влияние географического положения и природно-климатических условий на хозяйственную деятельность людей остается одним из важнейших факторов развития экономики и территориального разделения труда. Особенно это было значимо для доиндустриальных традиционных сообществ, в хозяйственной жизни которых главную роль играло скотоводство. Не меньшую роль в цивилизационном развитии общества играет город как искусственное явление в формировании жизненного пространства определённой части населения. В данной статье авторы ставят своей целью рассмотреть роль города в хозяйственной жизни кочевых сообществ степной полосы Евразии в XVI–XIX вв. на примере башкиров, ногайцев, казахов и калмыков. Исходя из закона единства и борьбы противоположностей как диалектического метода познания предпринята попытка на основании ряда документальных источников и литературы показать противоречие и взаимосвязь между оседлостью (город) и кочевничеством (кочевое сообщество) доиндустриального общества. В результате исследования проблемы выявлено, что связь кочевых сообществ с городом являлась необходимым условием сохранения их сообществ. Показано, что маршруты сезонных перемещений у степняков проходили близ городов. Город был местом меновой торговли, обоюдно выгодной как для жителей городов, так и кочевников. В XVI–XIX вв. город стал одним из инструментов седентаризации и интеграции кочевых народов в состав Российского государства.

Ключевые слова: кочевое сообщество, номады, город, башкиры, ногайцы, казахи, калмыки, Российское государство, седентаризация, интеграция

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-18-00313 «Трансформация кочевых обществ Юга России в контексте природно-климатических факторов (XIX – середина XX в.)» (<https://rscf.ru/project/22-18-00313/>).

Для цитирования: Буканова Р. Г., Кидирниязов Д. С. Город в системе хозяйственных интересов кочевых сообществ степной полосы Евразии в XVI–XIX в. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 2 (75). С. 21–25. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_2_21.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

CITY IN THE SYSTEM OF ECONOMIC INTERESTS OF NOMADIC COMMUNITIES
OF THE EURASIAN STEPPE ZONE IN THE 16TH–19TH CENTURIES

Roza G. Bukanova^{1✉}, Daniyal S. Kidirniyazov²

¹Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia

²Institute of History, Archeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia

¹Brg777.50@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-3147-3666>

²Daniyal2006@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9511-9092>

Abstract. The relevance of the proposed topic is determined by the fact that the influence of geographical location and natural and climatic conditions on the economic activity of people remains one of the most important factors in the development of the economy and the territorial division of labor. This was especially significant for pre-industrial traditional communities, in whose economic life cattle breeding played the main role. An equally important role in the civilizational development of society is played by the city as an artificial phenomenon in the formation of the living space of a certain part of the population. In this article, the author aims to consider the role of the city in the economic life of the nomads of the Eurasian steppe zone in the 16th–19th centuries. On the example of Bashkirs, Nogais, Kazakhs and Kalmyks. Proceeding from the law of unity and struggle of opposites as a dialectical method of cognition, an attempt was made, on the basis of a number of documentary sources and

literature, to show the contradiction and relationship between sedentary (city) and nomadism (nomadic community) of pre-industrial society. As a result of the study of the problem, it was revealed that the connection of nomads with the city was a necessary condition for the preservation of their community. It is shown that the routes of seasonal movements of the steppes passed near the cities. The city was a place of barter, mutually beneficial for both city dwellers and nomads. In the XVI–XIX centuries, the city became one of the instruments of sedentarization and integration of nomadic peoples into the Russian state.

Keywords: nomadic community, nomads, city, Bashkirs, Nogais, Kazakhs, Kalmyks, Russian state, sedentarization, integration

Acknowledgments: The work was supported by the Russian Science Foundation, Project № 22-18-00313 "Transformation of nomadic societies of the South of Russia in the context of natural and factors (XIX – mid XX centuries)" (<https://rscf.ru/project/22-18-00313/>).

For citation: Bukanova R. G., Kidimiyazov D. S. City in the system of economic interests of nomadic communities of the Eurasian steppe zone in the 16th–19th centuries. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2023, no. 2 (75), pp. 21–25. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_2_21.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Влияние географического положения и природно-климатических условий на хозяйственную деятельность людей и поныне остаётся одним из важнейших факторов развития экономики и территориального разделения труда. Особенно это было значимо для доиндустриальных традиционных сообществ, в хозяйственной жизни которых главную роль играло скотоводство. В отличие от хлебопашца, труд которого, несмотря на зависимость от климата и опасных вредителей посевов, таких как саранча, носил в основном сезонный характер, скотовод был занят своим промыслом круглогодично. Кроме засухи, скотовода подстерегали зимние холода, гололедица, различные эпидемии и другие бедствия, приводящие к падёжу скота. Возможно, круглогодичный характер деятельности народов, основным занятием которых было пастбищное скотоводство, и создало в глазах оседлого населения образ номадов, непрерывно кочующих по степи. Соответственно, в европоцентристском восприятии истории сложилось твёрдое убеждение, что у кочевников не было стационарных поселений и городов. Такой подход превалировал и в советской исторической науке.

Вместе с тем, в постсоветской историографии появляется всё больше научных аргументов и исторических фактов в пользу того, что город и кочевой мир были тесно взаимосвязаны.

Наша цель — рассмотреть роль города в хозяйственной жизни номадов степной полосы Евразии в XVI–XIX вв. на примере башкир, ногайцев, казахов и калмыков, которые в этот период были в составе или под протекторатом Российского государства. Базовый подход автора к данной проблеме опирается на диалектический метод познания — закон единства и борьбы противоположностей, который позволяет показать противоречие и взаимосвязь между оседлостью (город) и номадизмом (кочевое сообщество) доиндустриального общества. При этом мы исходим из того, что в кочевом мире человек находится в природной естественной среде обитания, а город, как искусственная среда обитания людей, возникает по мере развития торговли и технологического прогресса.

Основная часть

Если рассматривать явление кочевничества с позиции предшествующих эпох, то очевидно, что оно было неким прорывом в освоении людьми нового пространства — степи. Как отмечает исследователь истории кочевых скифов В. М. Мурзин, «на огромном пространстве Великого степного пояса Евразии это событие произошло практически одновременно — на рубеже II и I тыс. до н. э.» [7, с. 73]. Это стало возможным в результате технологического развития: освоение рудных месторождений, производство железа, новых видов вооружения, а также создание передвижного жилища, максимально приспособленного к условиям кочевого быта и др.

Кочевой образ жизни, основу которого составляло экстенсивное скотоводство, позволяло номадам не только в полной мере использовать огромные пастбищные ресурсы степи, но и проявлять активное участие в обеспечении торговых связей между Востоком и Западом.

Жизненный уклад древних обитателей степи не говорит об отсутствии у них городов. Если В. М. Мурзин, умозрительно воссоздает город кочевников в виде разбросанных на несколько километров многочисленные юрт и кибиток [7, с. 80], то археолог Г. Б. Зданович в степях Южного Урала обнаружил реально существовавшие городища эпохи бронзы, которые были центрами металлургического производства кочевников [4, с. 179–188]. В Средние века южноуральские степи входили в состав Дешти-Кипчак, страны тюркоязычных племён, потомками которых являются башкиры, казахи и ногайцы. Здесь вплоть до XIX в. сохранялись ещё традиции материальной и духовной культуры кочевников. В XVII в. свою лепту в развитие кочевой культуры на данной территории внесли калмыки.

Согласно официальной точки зрения, в XVI–XIX вв. «кочевой мир» в России был представлен в основном башкирами, ногайцами, казахами и калмыками. Если башкир, ногайцев и казахов сплачивала близость по хозяйственно-культурному типу, идентичности родовой структуры и духовной культуре, то с калмыками их объединяла территориальная общность: на протяжении многих столетий эти народы находились в тесном соприкосновении друг с другом и примерно в одних и тех же природно-климатических условиях. Одним из непреходящих условий существования кочевого сообщества являлась обширность занимаемой им территории.

Социально-экономическое положение башкир не является классическим примером номадизма — разнообразие ландшафта страны башкир обуславливали разнообразие хозяйственной деятельности. Кроме того, по мнению профессора Б. А. Азнабаева, маркером, отличающим башкир от казахов и ногайцев, являлась привязанность к локальной территории и сакрализация локального пространства. Например, у калмыков или частично у казахов, оказавшихся в составе России, осью их социума являлась иерархия власти. Не случайно субъектами взаимоотношений с русскими царями у казахов и калмыков выступали их ханы, а у башкир — всё сообщество.

Наблюдается прямая связь маршрутов кочёвок с размерами и физико-географическими особенностями территории. У казахов и ногайцев они были более протяжёнными, чем у башкир, которые обитали вокруг сакральных для них Уральских гор. Маршруты кочевий башкир практически не выходили за пределы этнической территории, т. е. имели местное значение. В XIII–XIV вв. на Южном Урале существовал годовой цикл кочевания. Направления перекочёвок пролегли от степей в горы и обратно, по описанию И. И. Лепехина, — расстоянием верст за сто от домов [5, с. 83]. Кроме того, башкиры в отличие от других кочевников, на зиму заготавливали сено для рабочих лошадей, занимались такими стационарными видами хозяйственной деятельности, как земледелие, металлургическое производство, пчеловодство и др. [5, с. 84–85], что предопределяет целесообразность использования для хозяйственно-бытовой характеристики башкирского общества понятия «полукочевое скотоводство».

Если в домонгольскую эпоху на территории Башкирии находились города, входившие в систему северо-западного ответвления Великого шёлкового пути, то в период Золотой Орды, после перенаправления торговых путей через прикаспийские степи и низовья р. Волги, города пришли в упадок, а некоторые из них сохранились лишь как ставки местных правителей [2].

Шокан Уалиханов в своей работе «О кочевках киргиз» описывает пути сезонного продвижения киргизов (казахов): «Киргизы Меньшей орды лето кочевали под Оренбургом и в горах Мугоджара, а зиму проводили на Сыре и в песках Бурсук и Каракум. Киргизы Средней орды в одно лето из-под Семипалатинска шли к Троицку и обратно» [3, с. 107]. То есть во второй половине XVIII в. своеобразной ориентацией для казахов служили русские города-крепости. Они имели весьма отдалённое отношение к кочевому миру, так как являлись очагами оседлости и седентаризации. Города номадов, о которых было известно средневековым путешественникам, не упоминаются. На развалинах прежних городов и ханских стоянок были построены русские города-крепости [6, с. 63]. Золотоордынские города сохранились лишь на ногайских землях.

Ногайцы обитали в низовьях рек Волги, Яика и Эмбы, но в Ногайской орде — самом крупном государственном образовании после развала Золотой Орды — была своя столица Сарайчик. Но, как это было присуще для кочевой культуры, город для ногайцев имел лишь торгово-экономическое значение. Поэтому интересы князя Исмаила, избранного в 1555 г. правителем Ногайской Орды, были обращены на Астрахань. Исмаил ежегодно получал дань от астраханского хана в размере 40 алтын, кроме того под его контролем находились перелазы через р. Волгу, окрестности г. Астрахани и земли по трём рекам: Волге, Яику и Эмбе [1, с. 83–84].

После взятия Казани, добившись лояльности со стороны Исмаила и усыпив его бдительность, Иван Грозный успешно прибрал к своим рукам Астрахань и весь волжский торговый путь. В Астрахани расположен русский гарнизон, на Переволоке и Самаре поставлены вооружённые отряды.

Лишившись и дани, и возможности торговать в Астрахани, Исмаил с укором обращался к Ивану Грозному: «...А Волжской устье отца моего юрт был. И на отца моего юрте дарагу оставив, все тамги самому тебе имати, пригоже ли? ... И яз же дал Астраханского взятья тово для: яз, было, надеялся всю Астрахан себе» [8, л. 48–48 об.]. В 1557 г. в качестве компенсации Исмаил просит построить ему новый город в местечке Кунгул на протоке р. Бузан в полудне на восток от Астрахани [1, с. 84].

У ногайцев не было опыта строительства городов-крепостей, таких, какие строились в России. Поэтому он просил царя приказать астраханским людям, «чтоб мой княжой город делали», «прислал бы еси лесу доброво, в чом хоромы ставити» [8, л. 79 об.]. Необходимость строительства нового города диктовалась сложившимися обстоятельствами. Потеряв Астрахань, ногайцы фактически были лишены источника их экономического благосостояния.

В начале 1560-х гг. ногайцы продолжали кочевать по традиционным маршрутам. Наблюдатели из Москвы сообщали, что Исмаил зимовал в Сарайчике [9, л. 89 об.], а лето проводил в 50 вёрстах от устья р. Волги: «...А кочует Исмаил князь по Волге близко Асторохани, и говорят про Исмаила, вперёд ему во всё лето не бывать вдаль от Асторохани...» [9, л. 44]. Просьба Исмаила дать ему один из протоков р. Волги

также осталась без ответа, как и многое другое, что было обещано ему за невмешательство в казанские дела. «Яз, де, и в том дружбу учинил, Казани помочи некоторые не чинил, и царь, де, и Великий князь Казан взял и хотел, де, и мне Казан дати, да Казани не дал, а после той Асторохан взял, и моя ж к нему по тому ж дружба была, за Астарахан есми не вступился... И хотел царь мне ... Асторохан дати, и Асторохони мне не дал, а в своём прямом слове не устоял...», — так передавал слова Исмаила вернувшийся 19 августа 1562 г. из Ногайской Орды царский посол Игнатий Загряжский [9, л. 45]. Несмотря на отсутствие градостроительных традиций в ногайском обществе, они, с экономической точки зрения, были более урбанизированы, чем другие номады евразийских степей.

Калмыки являлись одним из могущественных народов Евразии. Многие исследователи отмечают высокое военное искусство у калмыков, наличие огнестрельного оружия, что представляло серьёзную угрозу соседним народам и государствам. Однако экономическое благосостояние калмыков во многом было основано на набегах и контроле над степными торговыми магистралями [10, с. 86]. Сохраняя кочевой образ жизни, калмыки, тем не менее, были хорошо знакомы с градостроительным делом. Так, Л. Р. Кызласов, исследователь ранней истории Сибири, упоминает несколько городов, построенных калмыками в верховьях Иртыша, на Оби. У озера Ямыш, в урочище Кубак-Саре и др., в XVII в., как он пишет, начинается период активного строительства в Южной Сибири калмыцких городов, ламаистских монастырей и административных центров. Причём здания и стены были «каменными» (построенными из сырцового кирпича и камня). Кочевья титулованной знати находились близ их городов [6, с. 68].

Миграцию части калмыков — торгутов и дербетов — из Джунгарии к берегам Волги можно сравнить с Великим переселением народов. В конце XVI в. калмыки впервые появились у сибирских границ России, а в 30-х гг. XVII в. заняли ногайские земли в междуречье Волги и Эмбы. Встретив серьёзное противодействие на своём пути, они были вынуждены расселиться на территории Северного Прикаспия, оказавшись, так же, как и ногайцы, в ограниченном пространстве по соседству с казахами, башкирами, яицкими и волжскими казаками.

В заключение следует обратить внимание на систему ценностей в общественном сознании степных народов. Кочевничество — это не только определённый тип социальной организации общества и материального производства, но особое восприятие картины мира. В традиционном обществе, где основной ценностью и источником существования являлись земля, пастбища, город играл второстепенную роль.

Выводы

В результате исследования проблемы выявлено, что связь номадов с городом являлась необходимым условием сохранения их сообщества. Показано, что маршруты сезонных перемещений у степняков проходили близ городов. Город был местом меновой торговли, обоюдно выгодной как для жителей городов, так и кочевников. В XVI–XIX вв. город стал одним из инструментов седентаризации и интеграции кочевых народов в состав Российского государства.

Список литературы

1. Буканова, Р. Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII вв. / Р. Г. Буканова. — Уфа : Китап, 2010. — 264 с.
2. Буканова, Р. Г. Один из башкирских городов золотоордынского периода в описании миссионера Иоганки / Р. Г. Буканова // Проблемы востоковедения. — 2010. — № 3 (49). — С. 13–15.
3. Валиханов, Ч. Ч. О кочёвках киргиз / Ч. Ч. Валиханов // Собрание сочинений : в 5 т. / [предисл. А. Х. Маргулана]. — Алма-Ата : Академия наук КазССР, 1968. — Т. 4. — 782 с.
4. Зданович, Г. Б. Феномен протоцивилизации бронзового века урало-казахстанских степей. Культурная и социально-экономическая обусловленность / Г. Б. Зданович // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. — Алма-Ата : Наука КазССР, 1989. — С. 179–188.
5. История Башкортостана с древнейших времен до наших дней : в 2 т. — Уфа : Китап, 2004. — Т. 1: История Башкортостана с древнейших времен до конца XIX в. / под ред. И. Г. Акманова. — 488 с.
6. Кызласов, Л. Р. Городская цивилизация Средней и Северной Азии: исторические и археологические исследования / Л. Р. Кызласов. — Москва : Восточная литература, 2006. — 360 с.
7. Мурзин, В. Ю. «Города» кочевых скифов / В. Ю. Мурзин // Народы и религии Евразии. — 2019. — № 3 (20). — С. 72–85. — doi: 10.14258/nreur(2019)3-05.
8. Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). — Ф. 127. Ногайские дела. — Оп. 1. — Д. 5.
9. РГАДА. — Ф. 127. Ногайские дела. — Оп. 1. — Д. 6.
10. Тепкеев, В. Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века: проблемы политических взаимоотношений / В. Т. Тепкеев. — Элиста : Джангар, 2014. — 448 с.

References

1. Bukanova, R. G. *Goroda-kreposti na territorii Bashkortostana v XVI–XVII vv.* [Cities-fortresses on the territory of Bashkortostan in the XVI–XVII centuries]. Ufa: Kitap, 2010, 264 p.
2. Bukanova, R. G. *Один из башкирских городов золотоордынского периода в описании миссионера Иоганки* [One of the Bashkir cities of the Golden Horde period in the description of the missionary Ioganka]. *Problemy vostokovedeniya* [Problems of Oriental Studies]. 2010, no. 3 (49), pp. 13–15.

3. Valikhanov, Ch. Ch. O kochevskikh kirgiz [On nomadic Kyrgyz]. *Sobranie sochineniy: v 5 tomakh* [Collected works: in 5 vols]. Alma-Ata: AS KazSSR; 1968, vol. 4, 782 p.
4. Zdanovich, G. B. Fenomen prototsivilizatsii bronzovogo veka uralo-kazahstanskikh stepey. Kulturnaya i sotsialno-ekonomicheskaya obuslovlennost [The phenomenon of the Bronze Age proto-civilization of the Ural-Kazakhstan steppes. Cultural and socio-economic conditioning]. *Vzaimodeystvie kochevykh kultur i drevnikh tsivilizatsiy* [Interaction of nomadic cultures and ancient civilizations]. Alma-Ata: Nauka KazSSR; 1989, pp. 179–188.
5. *Istoriya Bashkortostana s drevneyshikh vremen do nashikh dney: v 2 tomakh* [Bashkortostan from ancient times to the present day: in 2 vol.]. Ufa: Kitap; 2004, vol. 1, 488 p.
6. Kyzlasov, L. R. *Gorodskaya tsivilizatsiya Sredinnoy i Severnoy Azii: istoricheskie i arkheologicheskie issledovaniya* [Urban civilization of the Middle and North Asia: historical and archaeological research]. Moscow: Vostochnaya literature; 2006, 360 p.
7. Murzin, V. Yu. "Goroda" kochevykh skifov ["Cities" of nomadic Scythians]. *Narody i religii Evrazii* [Peoples and religions of Eurasia]. 2019, no. 3 (20), pp. 72–85.
8. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA)*. Found 127, inventory 1, case 5.
9. *RGADA*. Found 127, inventory 1, case 6.
10. Tepkeev, V. T. *Kalmyki v Severnom Prikaspii vo vtoroy treti XVII veka: problemy politicheskikh vzaimootnosheniy* [Kalmyks in the Northern Caspian in the second third of the 17th century: problems of political relations]. Elista: Dzhangar; 2014, 448 p.

Информация об авторах

**Буканова Р. Г. — доктор исторических наук, профессор;
Кидирниязов Д. С. — доктор исторических наук, профессор.**

Information about the authors

**Bukanova R. G. — Doctor of Historical Sciences, Professor;
Kidirmiyazov D. S. — Doctor of Historical Sciences, Professor.**

Вклад авторов

Буканова Р. Г. — разработка концепции исследования, изучение литературы и источников, постановка и обоснование цели статьи, написание текста; итоговые выводы;

Кидирниязов Д. С. — выбор темы, аргументация проблемы, работа в центральных и республиканских архивах, обработка и представление документальных материалов, общие и практические обобщения.

Contribution of the authors

Bukanova R. G. — development of the research concept, study of literature and sources, formulation and justification of the purpose of the article, writing the text; final conclusions.

Kidirmiyazov D. S. — topic selection, argumentation of the problem, work in central and republican archives, processing and presentation of documentary materials, general and practical generalizations.

Статья поступила в редакцию 09.03.2023; одобрена после рецензирования 23.03.2023; принята к публикации 27.03.2023.

The article was submitted 09.03.2023; approved after reviewing 23.03.2023; accepted for publication 27.03.2023.